

5.7.7. – Социальная и политическая философия

Научная статья

Research article

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.135-143>

Образ будущего: оптимистическая трагедия

Терещенко Н.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье ставится вопрос о возможных вариациях отношения к будущему, как в теоретических дискурсах, так и в мироощущении современника. Проблема будущего (человечества) поставлена в контекст проблемы кризисности современного состояния общества, в том числе – в контексты кризиса современного капитализма. Показано, что современный капитализм, став в буквальном смысле глобальным, включив в свою сферу все мировое пространство, больше не имеет возможностей экстенсивного развития и вынесения своих кризисных явлений за пределы собственной системы. Возникает необходимость поиска путей решения внутренних проблем данной системы в логике ее деконструкции и определения стратегии будущего. В статье демонстрируются две версии понимания будущего и движения к нему: первая – возврат к прошлому – представляет собой либо отступление назад с целью освобождения пространства/времени для перекомпозиции существующей системы, либо осознанную или нет варваризацию/архаизацию/примитивизацию настоящего. Вторая версия образа будущего при всем его возможном трагизме – будущее, которое проектируется как другое, иное, какого пока еще не было. Это новый социальный проект, который требует создания новой социальной теории.

Ключевые слова: будущее, система, капитализм, варваризация, примитивизация, трагизм, оптимизм.

Для цитирования: Терещенко Н. А. Образ будущего: оптимистическая трагедия. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2024;(1(64)): 135–143.

Image of the Future: An Optimistic Tragedy

Tereshchenko N.A.

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Abstract. The article raises the question of possible variations of attitude to the future, both in theoretical discourses and in the worldview of the contemporary. The problem of the future (humanity) is put in the context of the problem of crisis of the modern state of society, including the context of the crisis of modern capitalism. The author shows that modern capitalism, which has spread to the whole world, no longer has opportunities for extensive development and for taking its crisis phenomena outside its own system. In this regard, there is a way to solve the internal problems of this system on the principle of bringing them into the future. The article demonstrates two versions of understanding the

future: the first one – a return to the past – represents either a retreat backwards in order to free up space/time for a subsequent intensive move forward, or a version of barbarization/archaization/primitivization of the present, conscious or not. The second version of the future' image, with all its possible tragicism, is the image of the future as a future, another, different, something that has not yet happened. This version requires a new social theory that explains the process and allows to develop an action strategy.

Keywords: future, system, capitalism, barbarization, primitivization, tragedy, optimism.

For citation: Tereshchenko N.A. Image of the Future: An Optimistic Tragedy. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2024;1(64):135–143 (In Russ.)

Введение

Разговор о будущем сегодня принимает болезненную форму навязчивой идеи. Вопросание о том, есть ли будущее, относится ко всему: будущее искусства, философии, государства, институций. Вполне естественно, что в этот ряд попадает и капитализм. Однако в этом навязчивом вопрошании можно отметить один момент. Оно все больше принимает чисто политико-идеологическую форму. Правые – левые, радикалы – консерваторы, либералы – коммунисты. Все эти векторы давно увели от исходных смыслов каждой из этих установок и перешли в собственную противоположность, вследствие чего сами разговоры о будущем становятся лишь формой апологии наличествующих условий.

Однако все сказанное никоим образом не снимает важности проблемы и необходимости поиска ответа на вопрос о будущем как таковом. Сложность заключается в том, что мы сталкиваемся с серьезным несоответствием между исследовательской задачей и наличествующими средствами ее решения, в том числе – средствами описания. Другими словами, разговор о будущем возникает при погружении в ситуацию исторической фактичности и при поиске инструментального обеспечения ее исследования. В первом случае мы как раз и получаем некоторую политико-идеологическую конструкцию (заметим, саму по себе

необходимую для функционирования общества), во втором – необходимость радикального пересмотра теоретических оснований работы историка, социолога, политолога, философа и т.д., без чего невозможно мыслить общество не просто в логике простого воспроизводства, но и в логике серьезных изменений.

Методы

Совершенно очевидно, что если речь идет о необходимости пересмотра оснований, то мы столкнемся с проблемой выработки на этих основаниях принципиально новых методологических стратегий и серьезной коррекции языка описания. Что касается наличествующего арсенала, то, вероятно, здесь будет применим принцип системности, сложности, возможно – сорборности (как «прививка» к истончающемуся дискурсу модерна), а также принцип насыщенного описания, который позволит создавать поле диалога дискурсов без требования сведения их в единую бесшовную картину.

Результаты и обсуждения

Поясим высказанные тезисы. Диагностика перспектив развития системы требует выхода за рамки этой системы в другую, более сложную и более совершенную. Это следует уже из базового определения системы, которая понимается как совокупность элементов,

находящихся во взаимодействии друг с другом и со средой. Другими словами, взаимодействие со средой априори предполагает выход системы за свои собственные границы. Причем, выход за свои границы предполагает, что мы выходим тоже в систему, но в более сложную. С точки зрения погружения в историческую фактичность это означает необходимость получения другого управленческого опыта. С точки зрения теории это означает как минимум фиксацию точки разрыва исследовательских парадигм, невозможности нерелективно использовать наличествующий теоретический багаж.

Таким образом, нам придется работать на пересечении двух плоскостей (эмпирической фактичности и теоретической модели) и, скорее всего, нам не удастся избежать опасности их склеивания. Но будем надеяться, что само понимание этой опасности уже станет определенным шагом на пути ее преодоления.

Итак, начнем с эмпирической фактичности. Уже здесь есть момент склеивания, так как эмпирический факт есть уже, безусловно, теоретический факт.

Совершенно очевидно, что любая историческая форма сначала развивается экстенсивно. Затем, достигнув некоторой своей зрелости (или перезрелости) интенсифицируется, после чего с неизбежностью переходит в какое-то другое состояние. Мы намеренно не используем здесь термин «новое», ибо он далеко не всегда отражает суть происходящего. Так развивалась, а потом разрушалась империя Александра Македонского, так расширялась Римская империя, которая в итоге не смогла «переварить» стремящихся в ее объятия варваров, то же самое происходит на наших глазах с капиталистической системой, ставшей действительно глобальной, то есть охватившей весь мир, не оставив за своими пределами никакой территории для дальнейше-

го расширения. Иными словами, мы сталкиваемся с ситуацией, когда некоторая форма, став тотальной, лишается возможности экстенсивного развития, выходит на экзистенциальную границу своего существования. Возможно, именно так мы можем интерпретировать слова Питера Козловски о постмодерне, который он назвал эпохой, которая дана человечеству для того, чтобы стать достойным своей гибели [1, с. 34]. Речь, конечно, идет не об апокалипсисе, а о том, что человечество находится на пороге серьезнейших изменений, которые могут и, скорее всего, будут носить катастрофический характер. Причем, катастрофизм может быть разным. Один путь – архаизация и насильственный возврат к старому (якобы старому, попасть в прошлое невозможно). Второй – признание катастрофизма как формы выхода в иную реальность. Точнее, эти два варианта являются двумя сторонами одной медали. Речь идет о том, на что мы будем делать ставку: на сознательную и принципиальную архаизацию, путь, который можно определить как движение назад в будущее или в будущее, которое на самом деле ведет к плохо понятому и произвольно трансформированному, искаженному прошлому (например, Реформация по сравнению с итальянским Возрождением в чем-то, безусловно, содержит в себе момент такой архаизации), или все же мы рискнем сделать ставку на поиск альтернативных путей движения.

Капитализм, как и предшествующие ему исторические формы, тоже развивался в логике экстенсивности. Точнее, существовало несколько логик. Английская экономическая (вернее, конечно, политэкономическая), французская политическая, немецкая болезненно интеллектуально-индивидуалистическая (которая именно в силу этой болезненности тяготела к универсализму). Кстати, эти три логики определили и то, что капитализм как тако-

вой, даже приняв глобальные формы, остался выражением принципов развития западной цивилизации, что скажется и на формах его теоретического схватывания. Вспомним, например, ленинские «Три источника и три составных части марксизма» или ильенковский анализ марксизма. Трудно сказать, имел ли Ильенков в виду эту сцепку, когда он говорил о Марксе как о сыне европейской цивилизации, но сегодня можно с уверенностью говорить о том, что философия Маркса, прекрасно описывающая западный мир, требует серьезных корректив при анализе мира, который условно назовем не-западным. Справедливости ради надо сказать, что Маркс понимал наличие этой иной логики, что и зафиксировал в идее азиатского способа производства, которая, однако, была выведена за рамки его исследовательских интересов. Понимание этой «другости», вероятно, было и у Ленина, высказавшего идею слабого звена в развитии капитализма, и у Сталина, который, собственно, уже практически развил ленинскую идею о победе социализма в одной отдельно взятой стране.

Капитализм породил свою политико-экономическую альтернативу – социализм, который тоже стал, как ни странно, формой его, капитализма, возможности развития. Наличие такого «слоеного пирога» позволило капитализму развиваться в ситуации перманентного кризиса и преодолевать его путем выноса противоречий если не за пределы определенной территории (такой территории фактически не осталось), то за пределы определенной логики своего движения. Сначала кризис преодолевается за счет вынесения противоречий на периферию европейского мира (отсюда политика, практика и теория колониализма вообще и стремление подчинить (сожрать) периферию, Россию, в частности). Прекрасная иллюстрация предельности такой

логики, вырождающейся в абсурд – роман «Остров пингвинов» Анатоля Франса. Другой способ преодоления кризиса – вынос противоречий в область иной логики: перенос из одной сферы (например, экономической) в другую (например, в политическую), когда используется механизм отвлечения, то, что специалисты спецслужб называют принципом «хвост виляет собакой». Однако в ситуации тотальности такой перенос становится невозможным, и мы получаем системный кризис, который может вести только к полному реформатированию системы.

Как мы уже сказали, первый выход из подобной ситуации – это архаизация/ примитивизация/ варваризация. Представляется, что у явления архаизации можно выделить два аспекта (наверное, можно и больше, но пока остановимся на этих). Это естественно-исторический процесс отката, распада и процесс направленный, сконструированный, провоцируемый.

Начну с первого (хотя разделить их бывает чрезвычайно сложно, да и диагностику все равно придется проводить по формам схватывания, рефлексии, описания). Процессы распада – обратная сторона процессов становления. И мы с ними встречаемся в истории с самого ее, истории, начала. Уточним, что мы имеем в виду под началом истории. Думается, речь должна идти о становлении классового общества. Не будем останавливаться на этом тезисе как на, конечно, спорном в привычных нам контекстах. Но будем исходить из Марксова определения истории как деятельности преследующего свои цели человека. Причем, деятельностью будем называть не просто действие в горизонте целеполагания, а целенаправленное действие с пониманием отличия (выделенности, опосредованности) от природы как архетипа порядка.

Заведомо не будем обращаться к собственно историческим событиям,

чтобы не смущать профессиональных историков, а посмотрим на косвенные свидетельства, которые говорят о процессах архаизации.

Крито-микенская цивилизация создает два, казалось бы, совершенно разных культурных мира. Крит с очень развитым разделением труда. Это была крупнейшая для своего времени морская держава, контакты с миром были развиты, но после извержения вулкана, которое погубило Крит, минойская цивилизация исчезает и почти нигде не прорастает, кроме, пожалуй, мифа об Атлантиде. Но производственный и социальный опыт как будто совсем утрачивается, истаивает в образе. Микены по сравнению с Критом – просто варварская культура. Интересно, Агамемнон, царь Микен, если следовать Илиаде, у Эсхила становится царем Аргоса. Почему? Есть версия, что Микены в период, когда Эсхил пишет свои трагедии (V век), были фактически в запустении, это полуразрушенный город. Великий Агамемнон не мог быть царем такого полиса. И Эсхил «переселяет» его в Аргос. Но! Погибший Крит не потерял своего блеска и величия в мифах, а вот Микены – фактически исчезли с исторической культурной карты. То есть отличалась не только реальная история этих двух полисов, но и формы их осмысления, включающие моменты и возвеличивания, и архаизации. Исчезнувший Крит предстает в полном блеске в эпосе, а Микены уходят в тень классической Эллады.

Другой, близкий нам по времени пример, приводит Анна Лёвенхаупт Цзин в книге «Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма». Она пишет о процессах архаизации, или варваризации, провоцируемых развитием (состоянием) мирового рынка. Оставим историю сборщиков грибов за кадром. Она – не только и не столько зерно идеи автора, сколько, как думается, антуражная форма (хотя, возможно, это и не так).

Автор приводит пример с торговым гигантом Walmart, который своей политикой вынуждает «поставщиков производить товар все дешевле и дешевле, поддерживая тем самым варварский труд и разрушительные практики природопользования [2, с. 129]. «Варварство и трофеи – близнецы: добыча трофеев переводит насилие и загрязнение окружающей среды в прибыль» [2, с. 129], – отмечает автор. Иными словами, варваризация проявляется как вынужденный откат к примитивизированному труду и к варварскому отношению человека к природопользованию. Если очень грубо – на развалинах капитализма (а точнее сказать – на развалинах мира, превращенного в развалины капитализмом) можно жить, если использовать архаические формы труда, которые, тем не менее тоже встраиваются в капиталистические отношения. Не хотелось бы затрагивать крайние версии проекта архаизации, варваризации и примитивизации, которые уходят в горизонт устранения различия между людьми и нечеловеками, как это сегодня модно говорить, хотя игнорировать их тоже невозможно.

Рассмотрение этих регрессивных исторических процессов (хотя, конечно, мы видим их сквозь призму интерпретаций разного уровня) позволяет нам увидеть, что такие откаты исторической волны происходят в периоды перехода или кризиса. Так, капитализм нашел прекрасный выход из кризиса (который является фактически синонимом капитализма сегодня) через возвращение к первоначальному накоплению и использованию его принципиально неформального способа накопления – разбоя и грабежа. Но у первоначального накопления была прекрасная выживаемость. Именно ее эксплуатирует капитализм. То есть «шаг вперед, два шага назад» превращается в стратегию «два шага назад – это возможность шага вперед

в ситуации исчерпанности возможностей экстенсивного развития».

Интересно, что 100 лет назад Константин Кавафис написал стихотворение «В ожидании варваров»¹, где уловил еще одну сторону процесса: варваризация может быть не просто осознанной, провоцируемой, но и желанной. Стихи заканчиваются словами:

И как теперь нам дальше жить
без варваров?
Ведь варвары каким-то были
выходом.

Таким образом, варваризация как выход может быть процессом направленным, сконструированным, срежиссированным. Так, Тавистокский институт человеческих отношений, созданный в 1920 году на базе психиатрической клиники, занимается психиатрическими исследованиями группового и организационного поведения. В 70-е годы институту было дано задание проанализировать технологии работы с группами с целью подавить оптимистические настроения 60-х [3], то есть фактически, это было задание разработать технологии манипуляции сознанием с целью искоренения идеи развития. К подобным стратегиям со-

вершенно справедливо относят концепции устойчивого развития и нулевого роста. Совершенно очевидно, что потребность в таких проектах была вызвана осознанием невозможности дальнейшего развития системы, потребностью ее сохранения посредством архаизации. Можно сказать иначе: концепты замедления, отката, архаизации, примитивизации получают свое теоретическое обоснование, на котором выстраиваются социальные стратегии. Однако, как замечает Ваттимо, такая концептуализация, которую он называет архаизмом, «так и никогда не оформляется в настоящую, завершенную теорию... [так как] ... возникает вследствие кризиса метафизического историцизма, но не предлагает ему никакой альтернативы, и потому он (архаизм – Н.Т.) обречен быть теоретически немой или, во всяком случае, лишенным внятных формулировок [4, с.41]. В общем, опять «мертвый хватает живого», как писал К. Маркс.

Но архаизация – это так серьезно, что фактически с неизбежностью когда-то встает вопрос об обнулении прежней стадии. Так, в Средние века нередко пытались обнулить Античность, а Новое время, в свою очередь, стремилось обнулить Средневековье. Эпоха постмодерна как эпоха глобального перехода провоцирует ситуацию тотального обнуления. Неслучайно в международные отношения и в политическую лексику так быстро вошел термин *reset*, изначально переводимый как перезагрузка, а потом стали вспоминать, что в переводе есть и другие смыслы: «сброс», обнуление. Будущее оказывается разыгрыванием сценария катастрофизма. Этот сценарий катастрофизма тоже предполагает некоторую архаизацию, но с другой интенцией. Как «есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...» у Пушкина, как обращение к «скифству» и

1 – Чего мы ждем, сошедшись здесь на площади?

– Да, говорят, придут сегодня варвары.

– Так почему бездействие и тишина в сенате?

И что ж сидят сенаторы, не пишут нам законов?

– Да ведь сегодня варвары придут сюда.

Сенаторам не до законов более.

Теперь писать законы станут варвары.

– А император наш зачем,

поднявшись рано утром,

У главных городских ворот на троне восседает

В своем уборе царственном и в золотой короне?

– Да ведь сегодня варвары придут сюда.

...

– А отчего вдруг поднялось смятение в народе и озабоченно у всех враз вытянулись лица, и улицы и площади стремительно пустеют, и по домам все разошлись в унынии глубоко?

Уже стемнело – а не видно варваров.

Зато пришли с границы донесения,

что более не существует варваров.

И как теперь нам дальше жить без варваров?

Ведь варвары каким-то были выходом.

«азиатству» у Блока. Это «новый варвар» у Беньямина¹.

Однако хотя бы теоретически существует иная версия ответа на вопрос о будущем. Условно она может быть обозначена как перспективизм. Сразу оговоримся, что используем это слово непонятно, так как за ним уже существует шлейф смыслов и именных подписей. Нам же интересен лишь изначальный смысл слова – предполагаемый ход событий, которые могут и должны произойти вслед за настоящим, причем (что важно!) с нашим участием. То есть фактически это и есть будущее как будущее. Здесь мы всегда находимся в зоне риска: движение вперед, это, во-первых, куда, а во-вторых, как мы должны двигаться? И, конечно, возникает опасение, не является ли сама постановка вопроса о необходимости разработки образа будущего сиюминутным вывихом и гордыней псевдо-исследовательского разума.

Однако в истории философии мы видим разные варианты подобных проектов. В 1929 году пишется своеобразный манифест Венского кружка [5], в котором ставится именно этот вопрос в связи с миссией науки. Миссия науки, по мнению авторов манифеста, это создание научной картины мира в интересах всего прогрессивного человечества, в которой (в картине) перспектива развития человечества выстраивается в горизонте социалистических идей. Мы не будем сейчас углубляться в вопрос о том, что с точки зрения авторов манифеста есть «соци-

алистический». В данном контексте – это **не-капитализм, нечто другое**, и это другое связано с будущим и требует определения. Иными словами, актуальность задачи создания образа будущего была очевидна уже сто лет назад. И была диагностирована сложность: отсутствие языка описания. За прошедшие сто лет мы можем насчитать целый ряд таких интуиций.

Сегодня речь идет о том, как вообще будет развиваться наука о человеке и обществе. Представляется, что перспективу развития этого знания можно определить так, как определял ее А.Я. Флиер в статье «Науки о культуре после постмодернизма». Автор пишет: «Я предлагаю назвать это новое направление в развитии наук о культуре (добавим – и об обществе в целом – Н.Т.) *постфутурологией*. Логика такого предложения основывается на следующем. Во-первых, при всей академической и актуальной политической значимости знаний о прошлом, мы изучаем историю и культуру для того, чтобы понимать, что ждет нас в будущем (делаем это осознанно или латентно). Т.е. все общественно-научное знание (особенно знание о настоящем) является явной или скрытой футурологией, преследующей цели проектирования будущего. Это стало характерной чертой общественного сознания в Новое время.

Во-вторых, классическая социальная футурология, ориентированная на эволюционизм, прогнозировала будущее только в его позитивной перспективе. ... Сейчас же становится понятным, что судьба будущего в очень большой мере зависит от культурных ориентаций людей, которые станут определять направленность его строительства. ... При этом было бы неверным определять эту “другую футурологию” исключительно как “негативную футурологию”, пророчащую нам грядущую социальную катастрофу. Не следует забывать и то, что вариант будуще-

1 [Он] «не видит ничего постоянного, – пишет В/ Беньямин, – Но именно по этой причине он повсюду находит пути. Там, где другие встречают стены или горные вершины, он тоже видит путь. Однако поскольку он повсюду видит путь, он должен повсюду его расчистить... Поскольку он видит пути повсюду, он всегда стоит на перепутье, никогда не зная, что принесет с собой следующий миг. Все существующее он превращает в руины, но не ради разрушения, но чтобы проложить через них путь» [Цит. по 6, с. 203].

го, который для Запада будет расценен как катастрофа, для Востока может стать исторической победой, и наоборот. Или же Запад и Восток найдут какой-то культурный компромисс. Так или иначе, прежнюю “прогрессистскую футурологию” сменяет новая “стохастическая футурология”» [7, с. 6-7].

Выводы

Таким образом, постановка вопроса об образе будущего ставит перед научным и философским сообществом задачу пересмотра оснований науки и разработку новых форм легитимации дискурсов в философии. Как видно, вопрос о возможности будущего для капитализма – это лишь частный, незна-

чительный вопрос в общей серьезной проблеме.

Какой образ будущего будет создан? Мы не знаем, но либо это будет путь обнуления и архаизации, либо это будет образ будущего как другого, то есть будущего как будущего. Хорошо бы, чтобы это будущее не случилось без нас. Конечно, мы говорим о своего рода оптимизме трагедии (вспомним, «Оптимистическую трагедию» Всеволода Вишневского), и он очень похож на оптимизм Страшного Суда у Августина. Но как на Страшном Суде души смогут узреть Бога и истину, так шаг навстречу оптимизму трагизма будущего позволит нам увидеть будущее как будущее.

Список литературы / References

1. Козловски П. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития: пер. с нем. – М.: Республика, 1997; 240.

Kozlowski P. Postmodern Culture: social and cultural consequences of technological development: translated from German. – Moscow: Respublika, 1997;240. (In Russ.)

2. Цзин А.Л. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма: пер. с англ. III. Мартыновой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017;376.

Tsing Anna Lowenhaupt. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins: translated from English by Sh. Martynova. – Moscow: Ad Marginem Press, 2017;376. (In Russ.)

3. Эстулин Д. Тавистокский институт. – Минск: Попурри, 2014;368.

Daniel Estulin. Tavistock Institute. – Minsk: Popurri, 2014;368. (In Russ.)

4. Ваттимо Дж. Прозрачное общество: пер. с ит. Дм. Новикова – М.: Логос, 2002;128.

Vattimo J. The Transparent Society: trans. from Italian by Dm. Novikov – M.: Logos, 2002;128. (In Russ.)

5. Карнап Р., Хан Х., Нейрат О. Научное миропонимание. Венский кружок.

URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000566> (accessed 22.10.2023).

Carnap R., Hahn H., Neurath O. Scientific World Understanding. Vienna Circle. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000566> (Date of reference 22.10.2023). (In Russ.)

6. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под общей ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова – М.: Практикс, 2004;440.

Hardt M., Negri A. Empire / trans. from English under general ed. by G.V. Kamenskaya, M.S. Fetisov – M.: Praxis, 2004;440. (In Russ.)

7. Флиер, А.Я. Науки о культуре после постмодернизма: постфутурология // Обсерватория культуры. 2012;(2):4-11. – EDN PPFONR. <https://pandia.ru/text/80/206/11668.php> (дата обращения 22.10.23).

Flier, A.Ya. Sciences on culture after postmodernism: postfuturology // Observatory of Culture. 2012;(2):4-11. – EDN PPFONR. <https://pandia.ru/text/80/206/11668.php> (accessed 22.10.23). (In Russ.)

Информация об авторе

Терещенко Наталья Анатольевна,
докт. филос. наук, профессор, Казанский
(Приволжский) федеральный универси-
тет, Институт социально-философских
наук и массовых коммуникаций, кафедра
социальной философии. Author ID
56933802100; ORCID ID 0000-0002-3084-
6926, e-mail: *tereshenko_tata@mail.ru*

Information about author

Tereshchenko Natalya Anatolievna,
Doctor of Philosophy, Professor, Kazan
(Volga Region) Federal University, Institute
of Social and Philosophical Sciences and
Mass Communications, Department of
Social Philosophy. Author ID 56933802100;
ORCID ID 0000-0002-3084-6926, e-mail:
tereshchenko_tata@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2024; принята к публикации 19.03.2024
Received 03.03.2024; Accepted 19.03.2024